

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.25>

UDC 34(091)“653”

LBC 63.3(0)4-9+67.3(0)414

Submitted: 05.06.2023

Accepted: 01.10.2023

THE OLD AGE IS NOT JOY: DOCUMENTARY EVIDENCE ABOUT OLD AGE AND ELDERS IN MEDIAEVAL BYZANTIUM

Yury Ya. Vin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Annotation. The representations about old age, displayed in Byzantine acts, are revealed in a slightly defined form. However, this problem constantly attracts the attention of Byzantinists. The fundamental interest is adverted to status of the so-called “elders”. Their position is studied in the inextricable connection between age, ethical and social motives of social activity and involvement of the “elders” in the government system, especially rural self-government. In this regard the social role of the “elders” seems to be especially significant. All references to them are characterized in the light of the estate belonging of the “elders” to monasticism and village habitants. The formation of the landlord’s estate and the strengthening of the feudal dependence of the peasantry conditioned the emergence of the seniormen, represented by so-called “protoelders”, as apparatus of the control over the paroikoi population of the seigniorial estate. The further perspective of the subsequent studying the “elders” consists in demonstration of the general development of their social activity. The content of the problems of the studied topic is represented in the sections of the article “Introduction”, “The age and the socio-cultural significance of the old age”, “The elders in the system of the rural management”, “The protoelders” and “Conclusions”.

Key words: old age, elders, protoelders, rural self-government, Byzantium.

Citation. Vin Yu.Ya. The Old Age is Not Joy: Documentary Evidence About Old Age and Elders in Mediaeval Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 329-350. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.25>

УДК 34(091)“653”

ББК 63.3(0)4-9+67.3(0)414

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Дата принятия статьи: 01.10.2023

СТАРСТЬ НЕ РАДОСТЬ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СТАРОСТИ И СТАРЦАХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представления о старости, отображаемые в византийских актах, раскрываются в мало определенном виде. Однако эта проблема постоянно привлекает внимание византинистов. Принципиальный интерес вызывает статус так называемых «старцев». Их положение изучают в неразрывной связи возрастных, этических и социальных мотивов общественной деятельности и причастности «старцев» к системе управления, в особенности сельского самоуправления. Общественная роль «старцев» в указанном плане оказывается в особенности значима. Все их упоминания характеризуются в свете сословной принадлежности «старцев» к монашеству и жителям села. Становление господского поместья и укрепление феодальной зависимости крестьянства обусловило зарождение представленного так называемыми «протостарцами» старостата как органа контроля над паричским населением господского поместья. В демонстрации общих закономерностей общественной деятельности «старцев» заключаются дальнейшие перспективы их последующего изучения. Содержание проблематики изучаемой темы представлено в разделах статьи «Введение», «Возраст и социокультурная значимость старости», «Старцы в системе сельского управления», «Протостарцы» и «Выводы».

Ключевые слова: старость, старцы, протостарцы, сельское самоуправление, Византия.

Цитирование. Вин Ю. Я. Старость не радость: документальные свидетельства о старости и старцах в средневековой Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 329–350. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.25>

Εἰ δὲ καὶ ἄνθρωπος πρὸς γῆρας ἤδη κλίνων τοῦ ὑπερείδοντος δεῖται, καὶ οἰκία καὶ πόλις γεγηρακυῖα πρὸς τὸν δυνάμενον βοηθεῖν ἐλείγεται, τί θαυμάσιόν, εἰ καὶ τίνα... ὑλοταγῆν σωτηρίας ἀνταλλάξαμενα;

Коли же и человек, склонясь к старости, нуждается в ободряющем, и дом, и град, сущи постаревши, влекомы к могущему помочь, нечто самое удивительное, еже ли некую... покорность получают взамен во спасение?

Нифон, афонский прот., 1347

Введение. Сведения византийских актов о детстве, сравнительно редкие и недостаточные для всестороннего анализа, следуя положениям римского права, хорошо терминологически дифференцированы по половозрастным показателям. Что касается представлений о старости, отображаемых в актах, то они раскрываются в менее определенном виде. Однако эта проблема неоднократно привлекала и продолжает привлекать внимание византийцев. Без всякого сомнения, в Византии, опиравшейся во многом на античную традицию, старость, несмотря на то что она отягощала человека немощью и страданиями от болезней, расценивалась как важнейшее из человеческих достоинств¹.

В свое время Э. Бенвенист, обращаясь к историко-культурному содержанию понятия «старец», показывает, что само по себе оно не отображает, якобы, присущих «старцам» каких-либо привилегий, почестей и почтения, приписываемых тому «народной этимологией», а обозначает только «старость» [42, р. 43–44, 48–49; 2, с. 269, 272–273]. Тем не менее в эпоху Развитого Средневековья «старшие» и тому подобные понятия, наряду с возрастными критериями явно наделяемые неким позитивным этическим содержанием, получают определенное социальное звучание [8, с. 183]. Паче чаяния достоинства «человека» в эпоху Развитого Средневековья нередко предполагали действительно его возрастные

особенности. Так, М. Каплан и его коллеги, характеризуя «византийские сельские элиты» (*les élites rurales byzantines*) (подробнее см.: [50]), не упускают из виду вопроса о так называемых «старцах» (*γέροντες*). Правда, им отведено далеко не самое главное место, но нужно отдать должное названному французскому ученому: он настаивает на том, что важнейшую общественную роль играла самая старость человека, которая в Византии изначально сочеталась с присущей ему социальной стью (например, см.: [55, § 32 etc.]).

Для обозначения лиц старшего возраста по традиции одним из наиболее часто используемых является универсальное греческое понятие «γέρων» («старец»). Скажем сразу же, независимо от контекста его употребления, в любом случае понятие «старец» указывает и на возрастные, и на социальные признаки обладателя этого титула. Представители указанной общественной категории и в Древности, и в Средневековье часто одновременно принадлежали к сословной группе, причастной к общественному управлению, будь то Совет старейшин, Герусия или иные корпоративные властные органы ([1, с. 43 и далее]; также см.: [58, р. 29–30 etc., 41 etc., 57 etc.; 41, bes. S. 31 u.a.]; там же см. основную библиографию). Если касаться античных культурных традиций восприятия старости как отправной точки представлений о ней в Византии, то, наверное, не будет излишним вспомнить о спартанской герусии, правящем совете старейшин, которые избирались в его состав, как известно, достигнув 60 лет, когда-де начиналась «старость» ([1, с. 45]; также см.: [58, р. 30–31, 40, 41; 63, р. 11, 205 etc.]). При этом в Византии на всем протяжении ее истории титул «старца», наряду с прозвищем «калугер», прилагался к монашеству. Оставляя сейчас в стороне обсуждение специфики указанной сословной группы, уместно затронуть тот аспект системы ее управления, наилучшим примером чему является Совет старейшин в Карее на Святой Горе, какие бы наименования ему не давали, включая протат, «катисма старцев» или

иные, подобные тому обозначения. Они испещряют десятки документов, позволяющих характеризовать почетный статус «старцев» в лоне церкви (например, см.: [33, № 8.35 etc.; № 29.11; № 30.45; 37, № 94.9, 15–16, 32 etc.; № 100.8; № 116.10–11; № 123.9–10, 12–14 etc.; № 127.3–4 etc.; № 132.5–7, 12–13; № 138.6–7; № 151.7–9, 14–15 etc.; № 153.1, 19–20 etc.; 35, № 156.10–11; № 157.10–11, 13–14 etc.]).

Именно в этом смысле, возникающем благодаря слиянию возрастных, этических и социальных мотивов, следует рассматривать упоминания «старцев», встречающиеся в византийских актовых материалах не позднее, чем с X в. (например, см.: [36, № 1.7–8]).

Возраст и социокультурная значимость старости. Конечно, освещая вопрос о возрастном цензе старости в византийском Средневековье, ответить на вопрос по этому поводу однозначно довольно затруднительно. Концепции византийцев, ориентирующихся в своих концептуальных представлениях как на Античность, так и западноевропейское Средневековье, весьма расходятся, предполагая, что старость, независимо от социального положения, будь то крестьяне, или представители господствующего класса, исчислялась примерно 60-летним возрастом (например, см.: [67, S. 268 u. a.; 57, p. 52–53; 12, с. 250–251 и далее]). Не пытаясь исчерпать все документальные свидетельства с точки зрения оценки содержания понятия «старость», уместно обратиться к примерам преклонного возраста, не только уже попавших в поле зрения византийцев (например, см.: [12, с. 253 и далее]). Наравне с тем следует отметить, что известны многочисленные акты, касающиеся женщин наиболее старшего возраста, но преимущественно характеристика старости происходит применительно к судьбам мужчин. Так, в хрисовуле 1324 г. Андроника II Палеолога упоминается теща некоего Султана восьмидесяти лет ([33, № 62.69–72 etc.]; см.: [66, p. 93 etc.]). В этой связи возможно обратиться также к завещанию Феодора Сарантина, поскольку, судя по всему, речь идет о членах одного семейства. Во всяком случае, в своем завещании Феодор Сарантин, которому в 1325 г. было 46 лет, несмотря на то что он вспоминает о своих внуках и внучке, ссылается также на его тестя Афанасия Султаноса, пребывавшего

«в больших годах» («ἐπὶ χρόνοις πολλοῖς») [33, № 64.64–67 etc.].

Если же перейти к последовательному обзору документов, то в них, безусловно, выделяется образ настоятеля Пантелеймонова монастыря Митрофана, одного из участников крестного хода, проведенного в 1057 г. по случаю размежевания спорных землевладений. Составленный тогда акт характеризует Митрофана как «мужа в глубочайшей седине (то есть ‘старости’. – Ю. В.) и около семидесяти лет удостоенного (διαπρέποντα) в монашеской жизни». За Митрофаном же следовали два других «старца», «внушающих благоговение» с сединой и [исполненных] добродетели» (αἰδεσίμους σὺν τῇ πολῖᾳ καὶ ἀρετῇ) (см.: [30, № 5.23–24 etc.]). Достоинства украшали и старость монаха Никона Зига, давшего в 1071 г. показания о границах владений Лавры Афанасия в проастии (пригородном хозяйстве) Камена. Это был «с детства здесь воспитанный, муж старый и честной – ‘полностью седой’ (иначе говоря, ‘старый’. – Ю. В.) и освидетельствованный перед всем [собранием]» («ὁ ἐκ παιδῶθεν ἐκῆσε ανατραφῖς κε τιμιῶς ὠλοπῶλης μεμαρτοῖρημένος παρα πᾶση» – sic!) [27, № 35.22–24]. Примерно десятилетием позднее непрерывные споры между монахами двух монастырей разрешили с помощью «достигающих старости мужей» («τῶν ἀρχεότητι διαφερόντων ἀνδρῶν» – sic!). Из них выделялся Димитрий Макрин, который, будучи «мужем разумным (ἄνδρα συνετὸν) и хорошему образу жизни приверженным», подписал в качестве свидетеля акт размежевания (см.: [27, № 40.8–11 etc., 32 etc.]).

Равным образом нельзя пренебречь и сведениями ивирского практика 1152 г. о том, что изъятие выморочных земель хорионов (сел) Контарату и Лесковицы было произведено под непосредственным наблюдением эпиков (жителей) названных сел (см.: [39, № 56.140–152]). Действительно, в случае, который, судя по всему, задевал непосредственные интересы крестьян, наряду с колофонами представителей местной администрации или, как их называли составители практика, «важных архонтов» текст документа украсили собственноручно выписанные имена тринадцати селян ([39, № 56.262–269]; ср.: [39, № 56.253–261, 269–293]). Главную отличительную черту

поименованных в документе селян, охарактеризованных «как свидетели точные» (ὡς εἰδήμονες ἀκριβεῖς), составлял их почтенный возраст, на что указывали приложенные к селянам эпитеты «и более старые, и более почитаемые» («ὑπαιότεροί τε καὶ ἐντιμότεροι») [39, № 56.145–146 etc.]. Впоследствии, очевидно, подобный портрет можно было бы нарисовать и со «старца» иерея Константина из «хоры» (области) Властус, внушавшего уважение и веру «по возрасту» (ἕκ τε τοῦ χρόνου), как и трех других стариков, описанных вместе с ним Димитрием Хоматианом ([46, № 72.49–53; 45, № 72.316–317], также см.: [9, с. 211]).

В последние столетия византийской истории наилучшим образом характеризуется настоятель Лемвиотисского монастыря иеромонах Герасим. Он отмечен рядом положительных качеств, среди которых отнюдь не последнее место отдано «старости» (γῆρα) (см.: [18, р. 260]). Рассказывая о нем, нужно упомянуть иеромонаха Феодосия, который на закате своей жизни в последней четверти XIII в. назвал себя смиренным и жалким старцем. Тем не менее он призвал в качестве свидетелей всех эпископов хоры подтвердить, что на протяжении сорока лет подвизается в монастыре [18, р. 429]. Иначе говоря, речь идет действительно о старом или, по крайней мере, довольно пожилom человеке, который, очевидно, был почитаемым во всей округе монахом.

И уже не приходится сомневаться в возрастных данных Михаила Варихира, принимавшего участие в тяжбе Лемвиотисского монастыря с Михаилом Комниным Враной относительно пашенных полей (хорафиев) и выпасов в окрестностях Палатиев. Хотя Михаил Варихир и не был назван прямо «стариком», когда он был избран властями из числа других местных мужей, «послушных и любящих истину», принести присягу, он явно стяжал доверие благодаря своему «почти» (περίπου) восьмидесятилетнему возрасту [18, р. 180]. Впрочем, процедура разрешения поземельных споров названных собственников совершалась вместе с другими «местными мужами», прямо названными «старыми» («ἄμα ὑπαιοῖς τοῦ κοῦς ἀνδράσιν») [18, р. 280].

В общем плане характеристики старости селян довольно убедительны сведения о раз-

межевании землевладений Ватопедского и Хиландарского монастырей, сохраненные до наших дней в акте 1297 года. Согласно ему, из числа духовенства и местных участников процесса, жителей села Комитисса, выступавших свидетелями в деле, имена которых воспроизведены в ряду наиболее социально активной части селян, четверо достигли семидесятилетнего возраста. Он установлен в отношении Димитрия Либадаса («ὁ καὶ ἐβδομηκοστοῦ ἔτους») и еще троих селян, Кириака Клостомалоса, Василия Нектеноса (Νεκτέανος) и Димитрия Фомы (Θωμᾶς), о каждом из которых повторяется уточнение, что он является человеком, буквально говоря, «того же самого возраста» («αὐτὸς τοῦ αὐτοῦ ἔτους» и тому подобное) (см.: [33, № 26.27–37])².

Также надо сказать о примерах привлечения в качестве «достойных веры» свидетелей наиболее старых монахов и служителей церкви. Судебное решение конца XIII в. по тяжбе Ивирского монастыря с одним из его арендаторов, иереем Николаем Платискалити, опиралось на показания явившихся в суд представлять интересы своей обители наряду с «наипочтеннейшим» настоятелем двух престарелых монахов (см.: [39, № 67.14–15, 37, 56–57]). На суде выяснилось, что выступавшему истцом Николаю Платискалити сначала удалось добиться у занимавшего ранее высокое место в церковной иерархии монаха выгодных для себя условий аренды, хитроумно воспользовавшись его «наивностью из-за старости (ἀφελῆ ὑπὸ γῆρας) и простодушием» [39, № 67.31–34]. В свою очередь, решение спора между монахами Дохиарского и Ксенофонтского монастырей о приоритете одного в отношении другого выносили афонские «старцы», среди которых акт 1361 г. прота Доррофея выделяет особо не просто «достойных веры», но и «старцев более древних» (γερόντων ἀρχαιότερων) (см.: [25, № 37.7–8, 9, 13–14]). А к судебному разбирательству спора из-за земельных владений между монастырями Ватопеда и Каракалы, известному по акту 1389 г. епископа Иериссо Исаака, были привлечены «из всех здешних хор» для свидетельских показаний «достойные веры» старцы («ἐξ ὅλων γέροντας τῶν ἐκεῖσε χωρῶν»), которые охарактеризованы как «престарелые же и в таковых делах испытанные, и благосовестливые в том, чтобы

не скрыть истину о них» («γῆραιός δὲ καὶ εἰς τὰ τοιαῦτα δοκίμους καὶ εὐσυνειδήτους εἰς τὸ μὴ καλύψαι τὴν περὶ τούτων ἀλήθειαν») (см.: [35, № 166.4–5]). Столь изысканно изображенные старцы, как следует из дальнейшего хода процесса, отнюдь не были рядовыми жителями сел, а высокопоставленными лицами духовного звания и монахами, которые, судя по последним словам, несомненно, привлекались к судебным тяжбам уже не в первый раз (см.: [35, № 166.7 etc.]).

И даже если документальное описание того или иного «старца» не сопровождают определяющие непосредственно его возраст признаки, это могут выразить косвенные сведения. Так, сразу два документа 1369 г., касающиеся судьбоносного решения великого домостика Алексея Метохита обосноваться в келье на Афоне, чтобы встретить здесь свою кончину (см.: [34, № 129; № 130]). Надо сказать, что вельможа, уступив монастырю свое наследственное имение и земли, выговорил для себя в счет полученных аделфатов самые привилегированные условия пребывания на Святой Горе. Алексею Метохиту была предоставлена отнюдь не простая монашеская келья, а старое специальное прибежище для выходцев из начальствующего сословия («κελλίον τὸ παλαιὸν ἀρχονταρίκιον»). Более того, новый ее насельник, которого святогорцы вызвались принимать в качестве «пречестного и заслуживающего внимания старца как первого советника (πρωτοσύμβουλον)», выговорил себе бесспорную привилегию: его сопровождали два слуги, словно бы речь шла о немощном пациенте богодельни, дабы их подопечному вести здесь «старческую службу» («διακονίαν γερωντικὴν»), как говорится, в дарственной Ватопедскому монастырю (см.: [34, № 129.13 etc.; № 130.14])³. В свою очередь, первый же свидетель на процессе Ватопедского монастыря и монастыря Каракалы в 1389 г., а этим свидетелем стал один из иерархов, в своих показаниях утверждал, что Ватопедский монастырь обладал спорными хорафиями «с незапамятных времен» («ἐξ ἀμνημονεῦτων χρόνων») (см.: [35, № 166.9–10]). Потом эта фраза повторена в патриаршей грамоте, подтвердившей результаты урегулирования поземельного спора, который разрешился благодаря, наверное, немолодому служителю церкви (см.: [35, № 167.43]).

В сравнении с тем к наиболее почтенным знатокам истины несомненно принадлежал старец Фотинос из Проибиста, которого составитель принятого в 1389 г. судебного решения называет «столетним» («ἑκατοντούτης») (см.: [35, № 166.16 etc.]). И тогда возникает вопрос о том, уж не он ли принимал участие тремя годами позже в разрешении спора монастырей Каракалы и Пантократора из-за пашенных полей в окрестностях Хрисополя, которое было достигнуто прежде всего благодаря показаниям «старца» из хориона Проибиста? Как бы то ни было, получив приоритет перед остальными свидетелями, призванными из местных хорионов, этот «старец» заявил о том, что спорные хорафии он возделывает с детства (παῖδιόθεν). Его слова, видимо, приобрели весомое значение в глазах и тех, кто подтверждал истинность свидетельства старца, и, равным образом, для тех, кто принял на этом основании окончательное решение (см.: [29, № 13.3–7 etc., 21–25 etc, 37–38]).

Схожим образом охарактеризованы афонские старцы, привлеченные в конце XIV в. монахом Герасимом, владевшим кельей Макру, для свидетельства на тяжбе с монастырем Пантократора из-за масличника. Общественный статус этих старцев определял атрибутив «достойные веры», а их возраст позволял свидетельствовать о событиях, имевших место задолго до времени тяжбы (πρὸ χρόνων). Уже тогда «старцы» сами являлись владельцами и, как из этого следует, насельниками расположенной по соседству другой кельи, то есть лицами весьма преклонных лет, что непосредственно было отмечено в тексте документа (ἀπὸ γήρως τῶν μαρτύρων) (см.: [29, № 19.7–8, 10]).

В полной мере сказанное относится, допустим, ко второй половине XIV в., когда некий монах Феодосий Плакас удостоверяет своим именем юридическую силу составленного тогда документа (см.: [34, № 138.16]). Одновременно названное имя упомянуто в ряде последующих документов, в одном из которых, надо подчеркнуть, тезка названного монаха слишком нарочито уточнял, что он-де является «старцем протата» (см.: [34, № 151.26]; также см.: [34, № 143.14; № 153.34])⁴. В действительности, ни одна из подписей Феодосия Плакаса в четырех ватопедских документах не

позволяет произвести какой-либо достоверной и однозначной идентификации, поскольку указанные подписи столь далеки друг от друга для того, чтобы приписать их одному человеку без дополнительной атрибуции⁵. Однако было бы опрометчиво отказаться от такого предположения⁶. В любом случае, и для названного монаха, или для его предполагаемого тезки, сделанные из-за его возможной немощи, с одной стороны, с другой – ввиду изменения его статуса различные по форме подписи в первую очередь подтверждают сословную принадлежность к монашеству в составе старшей возрастной группы. Это, кстати говоря, могло стать причиной расхождений подписей, но это само по себе оказывается недостаточным для того, чтобы судить о реальном возрасте «старика».

В то время, как сама старость воспринималась как период жизни человека, сопряженный с некими тяготами и потребностью в помощи со стороны других людей (например, см.: [34, № 94.1–2 etc.]), главное, что удастся проследить с непреходящей определенностью – статус стариков, как правило, за редкими исключениями, оказывался полон почета, будь то чин простых монахов, или сан иерархов старшего возраста. Именно об этом, думается, свидетельствует акт 1416 г. фессалоникского митрополита и экзарха Гавриила (см.: [35, № 208]). Поводом для появления этого постановления, своим острием обращенного против епископа Ардамери Григория, стала решимость митрополита восстановить попранные права митрополии на хорионы, которые далее в документе обозначены под названиями Борену и Суду. Эти два хориона, согласно многократно повторенным утверждениям Гавриила, ранее относились к округу Рентины и находились под церковно-епархиальным надзором местного владыки Лити и Рентины. Этот факт был удостоверен заявлениями святогорских монахов, в частности, свидетельскими показаниями двух «духовных и престарелых» («πνευματικῶς καὶ ἡπαιτούς») иерархов из Рентины, Даниилом и Феодулом. Как выясняется далее, в годину сербского нашествия, когда каноническая связь указанных хорионов с их епархией оказалась нарушена, Феодосий, предшественник Григория на епископской кафедре Ардамери,

воспользовавшись установлением сербской власти, переподчинил себе названные села, которые, в соответствии с полученными свидетельствами, выпали из-под прежнего епархиального надзора [35, № 208.2–25 etc., esp. ll. 16–17 etc.].

«Старцы» в системе сельского управления. Итак, представления о старости в византийских документах многообразны. Центральной проблемой изучения старости в византиноведении остается место стариков в социуме и их причастность к системе управления. Именно с этой точки зрения предстает роль «старцев» в сельском самоуправлении, основные проблемы которого, изученные некогда автором этих строк в специальном исследовании, приходится здесь воспроизвести снова, поскольку они требуют системного подхода к углубленному пониманию общественных позиций лиц старшего возраста в византийском селе (см.: [4]).

Как уже отмечено, независимо от контекста употребления, в любом случае понятие «старец» указывает и на возрастные, и на социальные признаки обладателя этого титула. В то же время невозможно не замечать принципиальных изменений, наблюдаемых в сфере сельского самоуправления, которые вызваны повсеместным распространением парикии. В ряду прочих это подтверждает акт 1071 г. митрополита Серр Стефана, составленный по случаю урегулирования взаимных земельных претензий Ивирского монастыря и патриархата, первому из которых принадлежал проастий Мелициани, а второму – проастий Евнуху (см.: [38, № 40]). Ведь среди наиболее активных участников процесса размежевания земельных владений двух церковных учреждений документ прежде всего называет «неких соседствующих с ними париков» («τιῶν παροίκων γειτνιόντων αὐτοῖς» – sic!) [38, № 40.3–5]. Они сопровождали осуществлявшую расследование комиссию «достойных и благопредрасположенных мужей», а также «других многих соседских старцев», то есть клириков и монахов, как характеризуются в митрополичьем акте наиболее уважаемые свидетели и очевидцы межевания [38, № 40.29–31 etc.]. На самих же крестьян, помимо пресвитера Давида и нескольких его перечисленных поименно односельчан, отнесенных к разряду

париков, проживавших в проастии Евнуху, указывает ссылка «остальные» (οἱ λοιποί) [38, № 40.34–35]. Из дальнейшего описания следует, что под «остальными» подразумеваются жители хориона Евнуху, которые под началом «иерея Давида и протопапы» – именно так освещает подробности размежевания анализируемый документ – уточняли границу земельных владений Ивирского монастыря [38, № 40.49–50]. Этот пример, пожалуй, вполне отчетливо показывает, кого можно считать естественным предшественником складывающегося в указанный период среди византийских крестьян института «старцев», который выступал социальной альтернативой монашеству и другим представителям господствующего класса.

Среди разного рода свидетельств тому обращает на себя внимание передача хориона Радоливо Ивирскому монастырю в начале XII века. Она происходила при активном участии в ней «старцев» и других представителей местного самоуправления, которые своими подписями скрепили составленный тогда практик (опись крестьянских хозяйств) (см.: [38, № 51.21–23, 89 etc., 126–130]). Равным образом показательно и размежевание границ хорионов Радоливо и Семалты (Сиёмалту), хотя в тексте акта 1142 г., когда состоялось произведенное в интересах крупных собственников разграничение их землевладений, роль селян отображена символически, а налицо присутствие на описанной процедуре «старцев» названных сел (см.: [39, № 55b.17–18]).

Впоследствии акт 1297 г., который содержит свидетельства жителей Комитиссы по поводу спорных землевладений Хиландарского и Ватопедского монастырей, подтверждает, что «старцам» в византийском селе принадлежала особая роль. Им в указанном документе отведено почетное место в одном ряду с иереями и икодеспотами («домоправителями») села, которые составляли костяк органов общинного самоуправления ([33, № 26.13–14]; подробнее см.: [55, § 35]). Впрочем, поздневизантийская деревня дает примеры явных региональных отличий самоуправленческой деятельности.

Наиболее отчетливо деятельность органов сельского самоуправления прослеживается по документам, относящимся к сельским регионам Трапезундской империи. Здесь

«старцы» производили раздел имущества и принимали участие в совершении поземельных сделок. Так, во второй половине XIII в. раздел имуществ братьев Валенциаков из долины Пиксита – сердца средневековой трапезундской деревни – происходил в присутствии местных «старцев» [17, № 44.10]. В 1264 г. представители сельского самоуправления, имеющие опыт в оценке имущества, устанавливали цену продаваемого Вазелонскому монастырю крестьянского надела ([17, № 39.40–45]; также см.: [11, с. 78]). Обладая большим авторитетом, очевидно, «старцы места» участвовали в различных общественных и религиозных церемониях, скажем, таких, как похороны видных жителей села [17, № 65.4–8]. Трудно сказать, был ли институт «местных старцев», как их называли акты, выборным учреждением. Вероятно, уже в XIII в. институт «местных старцев» не был выборным в полном смысле этого слова, но и не стал еще органом, назначаемым представителями государственной власти. В него входили, наверное, пользовавшиеся почетом и влиянием наиболее авторитетные жители села. Многие из них принадлежали к зажиточному крестьянству и носили духовное звание. Одновременно в органы сельского самоуправления проникают мелкие феодальные землевладельцы (ср.: [17, № 39.71–74; № 50.22–26; № 57.23–24]; также см.: [17, № 106.303; № 32; № 33; № 111.11–13; № 36.1–4]). Со второй половины XIII в. стала ощутимой тенденция подчинения сельского самоуправления местным феодальным собственникам. В одном из документов 1270-х гг. описывается тяжба, во время которой игумен Вазелонского монастыря привел «местных старцев» на земельный участок с тем, чтобы потребовать от них клятвы, подтверждающей его принадлежность монастырю на законном основании (см.: [17, № 117]). Правда, ко второй половине XIV в. положение института «старцев» существенно изменяется. Он по-прежнему решает споры между крестьянами, добиваясь заключения мировых [17, № 129]. Но с этого времени наблюдается сращивание сельского суда с представителями местных вотчинников и представителей государственного управления.

В сельских районах юго-западной части Малой Азии роль «старцев» на селе оказалась

ретуширована активностью членов органов сельского самоуправления иных категорий (см.: [18, р. 151, 166, 178]). Их с последней четверти XIII – начала XIV в. в юго-западных областях Малой Азии полностью контролировали представители государственной администрации и феодальные владетели.

Процесс утраты самостоятельности органов сельского самоуправления в европейских провинциях Византии происходил более интенсивно, чем в азиатских районах страны. Но роль членов сельского самоуправления, выступающих под именем «старцев», здесь оказалась более очевидна. Примером служит рассказ Димитрия Хоматиана об иске Иоанна Иерокари к Гриди Драдзи из охридского хориона Ракита относительно виноградника, расположенного в хорионе Властус. За разрешением спора обе стороны обратились к окружным властям. На суд для дачи свидетельских показаний были приглашены «старцы» из соседних «хор», которые, как следует далее из текста документа, отождествляются с хорионами. Из трех сел пришло четыре «старца», один из которых к тому же оказался иереем, пользовавшимся несомненным уважением. Тем не менее последнее слово осталось за местными архонтами, хотя плохая осведомленность одного из них в сути дела была очевидна ([46, № 72.2–113; esp. ll. 49–53; 45, № 72.315–320, esp. col. 316–317]; также см.: [9, с. 211]).

Не улучшал общего состояния указанных органов и тот факт, что в самоуправлении сел Южной Македонии, Фессалии и прилегающих островов, где размещались обширные комплексы монастырских владений, ключевые позиции занимало духовенство (например, см.: [18, р. 413; 23, № 9.35–37 etc., 52–55 etc., 69–77 etc.; 22, № 88.8–10; 29, № 6.3–4, 5]). Нередко в сельские органы управления бывали кооптированы монашеские элементы, также известные как «старцы» (см.: [18, р. 398; 29, № 6.5; 23, № 9.35–37]). Принимавшие в деятельности сельского самоуправления активное участие лица духовного звания, обладая сильным влиянием на рядовых крестьян, освидетельствовали заключение сделок жителей села, представляли их интересы в суде [22, № 88.49–50; № 130.55–56; 37, № XIX.81–82; № XLI.4]. Нет сомнения, общественное положение парика Крица из хориона Акротерий,

ставшего монахом, позволило ему выступить на суде свидетелем от лица своих односельчан (см.: [22, № 102.23–24; № 130.41–42]).

Наряду с чиновниками, представителями провинциальной знати и проникавшими в органы сельского самоуправления мелкими феодальными владетелями у жителей поздневизантийского села большим авторитетом и властью пользовались монастырские «старцы». Они принимали непосредственное участие в поземельных расследованиях и межеваниях монастырских и смежных с ними владений (см.: [23, № 9.25–26, 96–100; 37, № XLIV.13–18, 33–36]). По всей видимости, так протекало, к примеру, урегулирование конфликта Ивирского и Ватопедского монастырей, как это было ранее продемонстрировано, в 1297 г., когда их столкновение произошло во время жатвы на рубежах сел Радоливо и Семалты (Семелты) (см.: [33, № 27.6 etc.]). В рассмотрении спора, надо заметить, оказались вовлечены некие из «мирских людей» («τῶν κοσμικῶν ἀνθρώπων») со стороны обеих тяжущихся обитателей, которые разбились, вероятно, на два лагеря («ἀμφίθυροι ὄντες»). Они принимали, наверное, активное участие в проведенном тогда размежевании спорных владений наряду с монахами, буквально говоря, «братьями» (см.: [33, № 27.6 etc.]). И вполне уместно счесть, что использованный по поводу представших «на месте» («τοικῶς») участников тяжбы эпитет «и тех, и других подчиненных» («ἀμφοτέρων τῶν υλοτακτικῶν» – sic!), судя по всему, относится не только к афонским насельникам (см.: [33, № 27.15–16 etc.]). Вместе с тем без «старцев», представлявших свои монастыри, не обошлось и это дело (см.: [33, № 27.14–15]). Несомненно, умиротворение сторон было достигнуто, как свидетельствуют подписи под составленным тогда, если можно так сказать, «гарантийным письмом», в непосредственном присутствии там возглавляемых местным иереем «старейшин», или просто старейших жителей села Радоливо, которых называли купно «старцы радоливины» (οἱ... γέροντες ραδολιβηνοὶ) (см.: [33, № 27.33]).

Равным образом «старцы» активно участвовали и в проведенном под эгидой митрополита Анкиры суде 1300 г. между Ивирским и Ватопедским монастырями на очередном

этапе размежевания земельных территорий хорионов Радоливо и Семалты. В отличие от 1142 г., когда присутствовавшие по тому же самому поводу «старцы» были, как уже отмечено, напрямую соотнесены с жителями названных сел, на рубеже XIII–XIV столетий понятие «старцы» служит приложением к обозначению «достойных веры» свидетелей и «мужей», которых тяжущиеся стороны привлекли к расследованию о ранее установленных границах двух землевладений (см.: [39, № 69.13–14, 16–17, 19–20 etc.]; ср.: [39, № 55b.17–18]). Сделанная в акте судебного разбирательства оговорка о даче показаний «местных и достойных веры свидетелей» подкрепляла обоснованность вынесенного митрополичьего решения (см.: [39, № 69.22–24]).

В середине же XIII–XIV вв. спор насельников метоха Алипийского монастыря, расположенного в окрестностях «хоры» (села) Езова, и архонтопулов г. Серры из-за «свободных проскафименов» решал церковный арбитраж (подробнее см.: [62, p. 125–126, 341–342]). Он состоялся после того, как ответчики были изобличены в попытке противоправно подчинить себе поселенцев градским судьей при поддержке «старцев здесь достойных веры свидетельствующих» («γερόντων τῶν ἐκεῖ ἀξιολίστων μαρτυρησάντων»). В конечном счете судьбу проскафименов предопределили показания «достойных веры старцев», сделанные «живым языком» (τῆς ζώσης γλώττης), а также предоставленные документы (см.: [26, № 21.1–4 etc., 6–8 etc.]). Как бы то ни было, суды, проводимые в хорионах Халкидики и прилегающих районах Южной Македонии, контролировал афонский протат и епископ Иериссо (например, см.: [22, № 88.54–55; 37, № XII.48]). Это подтверждает, в частности, акт 1389 г. Исаака, епископа Иериссо, посвященный урегулированию спора между Ватопедским монастырем и монастырем Каракалы относительно их пашенных полей в Заверникии (см.: [35, № 166]; также см.: [35, III. № 167]). Ведь судебное разбирательство непосредственно затрагивало местные села, о чем свидетельствует цитата плохо сохранившегося фрагмента воспроизведенного в указанном акте документа местной администрации, где упоминаются несколько «хор» («χωρῶν») (см.: [35, № 166.19]). Тем самым хорошо объясня-

ется вызов на епископальный суд для дачи свидетельских показаний «достойных веры» старцев «из всех здешних хор» («ἐξ ὅλων γέροντας τῶν ἐκεῖσε χωρῶν»), наиболее уважаемые из которых, как надо думать, выступили в качестве свидетелей (см.: [35, № 166.4 etc.]).

И все же укрепление феодальных отношений в Поздней Византии не могло уничтожить полностью традиции сельского самоуправления. Благодаря тому проживавшие в селах «старцы» и «лучшие» выступали в качестве свидетелей при отчуждении земельных держаний крестьян, принимали участие в расследовании земельных споров монастырей [37, № VII.50–62; № XII.11–15; 23, № 9.35–37, 96–100; № 14.7 etc., 11 etc.; 36, № 9 A.83–84; № 17.12–22]. Так, в начале XIV в. продажа близ Иериссо пашенного поля Иоанна Влукана (Вулкана) «папе» (попу) Кириаку была совершена в присутствии «старцев», результатом чего на свет явилось, составленное тогда от их имени, «достоверное свидетельство» («ἀξιοπίστων μαρτύριον» – sic!) (см.: [33, № 34.11–12, 14–17]). Оно, вполне вероятно, могло оказаться востребовано при попытке односельчан Иоанна Влукана реализовать свое право протимисиса. Во всяком случае, прозрачный намек на право предпочтения содержит запродажная папы Кириака, уступившего вскоре купленный у Иоанна Вулкана земельный участок Ватопедскому монастырю (см.: [33, № 37]).

В то же время, как показывает серия продаж и дарений, совершенных в том же районе на протяжении 1308–1312 гг., присутствие при отчуждениях наделов мелких собственников в качестве свидетелей представителей или выходцев из «хоры Иериссо» или «из топоса (места) нашего находящихся», судя по их именам, включая «достоверных свидетелей», для более чем двадцати сделок практически оказывалось правилом (например, см.: [33, № 43.I.6–7; II.14; III.19; XIV.83–84]; также см.: [33, № 43.XII.75–76]). При этом в ряде записей встречается атрибуция статуса «старцев». Она не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о «находящихся старцах топоса того» [33, № 43.VI.37–38], «старцах Иериссо» [33, № 43.VIII.55–56] и тому подобное [33, № 43.X.116–117], а также «протогера (инвариант наименования “протостарца”. – Ю. В.) и других не немногих» («πρωτογῆρου

καὶ ἐτέρων οὐκ ὀλίγων»), о чем подробнее речь пойдет далее [33, № 43.XXII.139]. А в последней трети XIV в. притязания сановного лица на землю Дохиарского монастыря, которая некогда принадлежала прониарам, были отвергнуты на основании свидетельств принимавших участие в расследовании «на местности» (τοπικῶς) «старцев хоры» (см.: [25, № 41.33–35, 42–49]).

Отдельного обсуждения требует активность селян Комитиссы, которые были вовлечены в острый спор афонских монастырей из-за земли в топотесии («местоположении») Хреметиссы. Их спор, вспыхнув, чуть было не перерос в открытое столкновение. Показательно, что в примирении насельников двух монастырей принял активное участие «протостарец» Комитиссы совместно с «более хорошими людьми» (χρησιωτετέρων ἀνθρώπων) (см.: [23, № 11.10–14 etc., 19–20 etc.]). Несколько лет спустя, когда окрест названной местности вновь поднялся давний спор, туда для расследования пришли эконоом Хиландарского монастыря и «другие старцы-знатоки места» (см.: [23, № 14.1–3]). Поскольку изучение местности в XI в., отойдя в историю (см.: [23, № 1]), уже более не несло положительных результатов, спустя столетия потребовалось собрать представительный круг настоятелей и монахов афонских монастырей, а также вновь явившихся «старцев из хоры – знатоков места», к которым присоединились иереи и «старцы» из Комитиссы «не немногие» (οὐκ ὀλίγους) (см.: [23, № 14.5–7 etc., 11 etc.]). И эта перемена обозначила коренной перелом во всей системе самоуправления.

В ту пору, когда характер сельского самоуправления менялся в целом, ватопедский практик 1387 г. с описанием монастырского землевладения на Лемносе сохраняет сведения о непосредственном участии местных жителей в проведении землеотвода монастырю. Согласно тому составитель описи Фока Севастопул во избежание споров признавал необходимость приглашения «старцев» («ἔγνωμεν δεῖον εἶναι εἰσκαλέσθαι γέροντας»), которые приняли участие в процедурах землеотведения. Присутствуя там, они наблюдали за восстановлением границ. Названные поименно шесть старцев, включая названного первым, по всей вероятности, владельца расположенного тут

же земельного участка, которым был доверен контроль над процессом межевания земель, осуществляли свою миссию в сопровождении нескольких архонтов и писаря. Они, должностные лица, зачитывали апографские грамоты, а названные приглашенные старцы «показывали точно установленные рубежи» и разъясняли чиновникам, если запись документа оказывалась составлена «неправильно» («οὐκ ὀρθῶς») (см.: [35, № 165.23–28]). Конечно, трудно ответить на вопрос о статусе названных старцев, были ли они насельниками монастыря, или нет, являясь местными жителями, но отнюдь не из рядов далее перечисленных париков. В пользу того, чтобы признать в старцах коренных обитателей острова, свидетельствует и способ обозначения их имен, – кроме одного, они названы по родовому имени, а указанное личное имя одного из них – явно не календарное христианское, приличествующее монаху, и отсутствие какой-либо титулатуры и дополнительных признаков, позволяющих атрибутировать социальное положение участников межевания (см.: [35, № 165.26]). В то же время их дальнейшая характеристика отобразила также прежде всего непосредственную вовлеченность в процедуры межевания. Старцы не только обошли границы ватопедского землевладения, но, вполне вероятно, приняли участие в установке межевых камней (см.: [35, № 165.52–53]).

Общественную активность лемносских старцев, кем бы они ни были на самом деле, наглядно оттеняют сведения акта 1414 г., закреплявшего результаты судебного решения по иску Ватопедского монастыря к супруге великого хартофилакса фессалоникской митрополии. В числе затронутых тогда вопросов основным стало незаконное использование пахотных полей местного метоха афонского монастыря и принадлежность спорной собственности на землю в топотесии Ланкада (см.: [35, № 204]). По этому довольно сложному и крайне запутанному судебному делу тяжущиеся стороны привлекли самых разных по своему социальному статусу свидетелей, начиная от высокопоставленных знатных лиц, стражников-«кулаитов» (κουλαίτους), местных держателей земельных участков и землевладельцев, ведших здесь свои хозяйства, а также монахов («калугеров»). Они выступали

в пользу одной из сторон, интересы которой монахи представляли. В их ряду оказался и богобоязненный и преподобный «муж из монастыря», «старец», «кир» Исаак «по имени» Давид (см.: [35, № 204.15–16]). С другой стороны по тому же поводу в качестве свидетельства были заслушаны показания некоего Полименоса, который представлен как «человек старший» («ἄνθρωπος γηραιός»). Он сначала, оказавшись рядом с участниками полемики, объявил, что осведомлен в сути предмета спора, но отказался давать показания под присягой, убоившись совершить преступление. И только под давлением он был вынужден принести клятву и сообщить то, что ему известно «точно» (см.: [35, № 204.29–33 etc.]). Опуская многочисленные противоречивые подробности, потребовавшие, согласно косвенным деталям перипетии, от членов суда осмотра местности расположения спорных участков, следует отметить, что ватопедским монахам, уличившим ответчиков в неточностях, удалось выставить свои контраргументы. В конечном итоге они в ходе проведенного расследования стали основанием для суда вынести решение относительно принадлежности спорной земли в пользу Ватопедского монастыря.

В целом проделанные исследования показывают, что судьба органов сельского самоуправления тесно связана с феодальным поместьем. Надо признать, что как в вышеописанном примере, так и в других тяжбах многие свидетельские показания далеко не всегда бывали однозначно признаны. Недаром, уже рассмотренное судебное решение 1389 г. по тяжбе Ватопедского монастыря и монастыря Каракалы из-за хорафиев в Заверникии, упоминая об участии в процессе «достойных веры» старцев окрестных селений («хор»), прежде всего воспроизводит показания свидетелей в пользу ватопедских монахов (см.: [35, № 166.7 etc.]). С этой точки зрения симптоматичны пояснения составителя судебного решения о том, что значительная часть свидетелей, буквально говорится «большое скопище старцев собранное» («ὄχλος γερόντων πολὺς ἀθροισθεὶς»), не дала ожидаемое свидетельство («μαρτυρίαν μὲν οὐκ ἀπέδωκεν»). В поисках истины судьи, по всей видимости, выслушали наиболее достоверные, как им, вероятно, представлялось, показания тех участников процесса, кто вос-

принял спорные хорафии от своих предков, кому эти участки принадлежали «парикии ради» («αὐτοὶ τὴν ἀλήθειαν συνεστήσαντο παροικίας χάριν γὰρ ἐκ προγόνων ἄτερ χωράφια διεδέξαντο») (см.: [35, № 166.28–29 etc.]).

При этом нельзя вновь не вспомнить о показаниях Фотиноса из Пройбиста. Выступив в поддержку Ватопедского монастыря одним из первых, он цитировал, как профессиональный «свидетель», документ местного апографевса (см.: [35, № 166.16 etc.]). В этом свете напрашивается ответ на поставленный прежде вопрос о названном старце по поводу того, что тремя годами позже, в 1392 г., состоялось размежевание спорных хорафиев монастырей Каракалы и Пантократора в окрестностях Хрисополя. Известно, свидетельские показания, которые стали основанием снятия взаимных претензий монахов, дал некий «старец» Пройбистана. Он объявил, какому из тяжущихся тогда монастырей, с детства возделывая пашенные поля, уплачивал «с них десятины» (τὰς ἐκ τούτων δεκάτας) [29, № 13.21–23].

«Протостарцы». Представляется, что укрепление феодальных отношений в византийской деревне XIII–XV вв. с точки зрения форм господства и контроля над зависимым крестьянством не исчерпывалось назначением специальных управляющих и подчинением феодалу сельских органов управления, а приводило к более радикальным социально-политическим последствиям. К их числу следует отнести факты, характеризующие общественную роль «старцев», кем бы они ни были, которая не подлежит сомнению. О них необходимо говорить, имея в виду некоторые имения феодальных собственников, где может быть отмечена происходившая, вероятно, замена органов сельского самоуправления старостатом, который рекрутировали из рядов зависимого крестьянства. Во всяком случае, в XIV–XV вв., как показывают практики, в перечнях зависимых крестьян во владениях Ивирского и некоторых других афонских монастырей – в проастиах Ксилоригий, селах Милициана, Като Волво, Пинсон, Селада, а также в хорионах Оксина, Гомату, Св. Маманта и ватопедских зевгилагиях и метохах, в частности, на Лемносе, обнаруживаются соименные членам органов общинного самоуправления «старцы», «протостарцы» и «протогеросы»

([39, № 70.379; 40, № 86.47–48, 317–318; 28, № 91 III.117; № 109.121–122, 124]; ср.: [28, № 108.341–342]; также см.: [33, № 30.30–31; 34, № 82.43–44; 35, № 189.14; № 191.32; № 234.7; № 236.71]).

Как известно, Ф. Дэльгер отождествлял названную категорию обитателей поздневи-зантийского села с членами общинного самоуправления [48, S. 19]. Г.Г. Литаврин видел в тех старейшинах села [10, с. 58]. К.Н. Цирпанлис подчеркнул, что «протостарцы», которых он приравнивал к «лучшим» крестьянам провинции, действовали по распоряжению прониаров [68, р. 437]. А.Е. Лапу высказала мнение о том, что обозначение в практике «старец» указывает на возрастную ценз парика. В то же время американская исследовательница допускает, что звание «старец» могло бы характеризовать положение крестьянина в общине [60, р. 63, 202, 271]. Это мнение, имея в виду «протостарцев», в целом разделяла А. Тэлбот (см.: [67, S. 271]). Вслед за А.Е. Лапу Ш. Джерстел упоминает «протостарцев» в общем ряду других авторитетных представителей «сельской элиты», принимавших участие в решении повседневных споров (см.: [51, р. 131]). Весьма схожую характеристику «протостарцам» дает и З. Дзьбокович, дополняя ее предположением, что они представляли своих соседей перед монастырскими властями, выступая таким образом в качестве посредников между теми и другими [47, с. 121]. К сожалению, ни американской, ни сербской исследовательницам остались неизвестны, мягко говоря, выводы на этот счет, к которым пришел автор данных строк несколькими десятилетиями ранее (подробнее см.: [4, с. 211–212]). На этом фоне, конечно же, выделяется мнение А. Гийу. При всей свойственной ему недооценке роли сельского самоуправления в Византии, он признает неоднозначность социальных позиций, занимаемых «старцами» в деревне. А «протостарцев» французский ученый считает первыми из старейшин и, безусловно, неоправданно модернизируя исторические реалии и находя в них начатки демократизма, уподобляет положение тех современному «мэру села» (ср.: [54, р. 131–132, 134]).

Словом, суждения о «протостарцах» в византийской до сих пор раскрываются в довольно неопределенном виде. К сожалению,

скупые описания зависимого населения практиков обычно не содержат сколь-нибудь убедительных доводов в пользу многозначного толкования значения термина «старец». Скажем, обращаясь к ивирскому практику 1262 г., приходится лишь констатировать маловыразительное упоминание в ряду других монастырских париков «старца» Михаила и его жены, зарегистрированных без детей и каких-либо значительных имуществ [39, № 59.16]. Этот пример оказывается почти тождественен сведениям, правда, искаженным из-за утрат текста, о «старце», которые содержатся в практике 1103 г., где перечислены парики Ивирского монастыря, проживавшие в хороне Радоливо [38, № 51.36].

Тем не менее другую запись практика 1262 г. – о «старце» Скури – следует считать одним из ярких свидетельств несомненного своеобразия общественного статуса крестьян, названных «стариками». Будучи вдовцом, «старец» Скури предстает главой семейства, судя по всему, трех поколений. Он, выступая держателем вполне экономически состоятельного паричского хозяйства, отнесен к разряду «зевгаратов», владельцев воловьей упряжки [39, № 59.84]. Характерна и другая сторона описания членов семьи и имуществ «старца» Скури, которое практик воспроизводит вовсе не среди прочих паричских катастиков жителей сел. Этим описанием открывается особый перечень «людей», переданных ранее Ивирскому монастырю другим собственником, и права на которых подтверждал указ деспота [39, № 59.82–83 etc.]. На этом фоне выделяется также положение, как можно судить по семейному патрониму, точнее говоря, прозвищу одного из потомков «старца» в хороне Заварника, в практике которого в 20-х гг. XIV в. было описано хозяйство и семья Елены, вдовы Феодора Катотика или Геронтопула (τοῦ Γερωντοπούλου). С одной стороны, его преемники оставались в общем ряду париков названного села, из-за чего проистекала несомненная неопределенность статуса «старцев». С другой стороны, наследники «старца» Заварники образовывали небольшую патронимическую группу. Ее основу составляли 7 человек, представлявших, по крайней мере, два поколения: саму Елену, четырех ее детей и двух невесток. Они сосредоточили в своих

руках недвижимые имущества их наследственной стаи, а именно виноградники и землю. Кроме этого, в том же практике оказался записан и брат Елены со своей «ипостасью» (см.: [33, № 70.40–42]).

В свою очередь, очевидна неординарность некоторых представителей рассматриваемой категории. Так, старец Перипа, известный по счетной книге Касандрина, был втянут, получая от скупщика в долг денежные суммы, в хлебную торговлю на одинаковых условиях с другими жителями сельских селений, как предполагается Халкидики середины XIV в. [64, № 3. 94]. Ту же самую ситуацию отображает, вероятно, хозяйственная запись рубежа указанного и последующего столетий, которая на первом месте называет носителя личного имени Протогерос [64, № 50. 1].

В целом косвенные свидетельства мешают согласиться с исключительно односторонним восприятием понятия «старец» в практиках указанного времени. В описаниях землевладений оно систематически встречается в качестве обозначения держателей сопредельных земельных участков [28, № 108.341–342; № 109.542, 569, 589, 594, 607; 40, № 86.312]. С определенной уверенностью можно предполагать, что наравне со сведениями поздневизантийских практиков о профессии, звании и тому подобных данных, раскрывающих общественный статус держателей земельных наделов, например, сапожник, номик, иерей и прочее, самоназвание «старец» предопределяла как возрастная характеристика, так и социальное положение землевладельца. Даже статус «элевтер», который характеризует «старца», а может быть, просто старика Рентаки, чье хозяйство, о котором уже заходила речь, в хорионе Св. Маманта согласно сведениям практика 1301 г. с приписанными ему двумя сыновьями и невесткой обладало лишь одним волом, не меняет существа дела [33, № 30.30–31]. В самом деле, 4 из 6 отмеченных выше примеров, относящихся к владениям Ивирского монастыря XIV в., убеждают в том, что «протостарцы» оказывались главами семей из трех поколений. Принимая во внимание это обстоятельство одновременно с предпосылкой социального содержания термина «протостарец», можно допустить, что крестьяне, к которым он относился, принадлежали к ста-

рейшему поколению жителей села. Но даже это допущение, как свидетельствует впоследствии практик 1404 г. ватопедского монастыря, не гарантировало принципиальных отличий положения протостарца от прочих крестьян. Согласно указанному практику, в одном из принадлежавших названному монастырю сел в Ермилее, буквально «топосе Каламариин», половина хориона прежде была изъята у монахов, тогда как в оставшейся в их собственности половине села проживало 16 крестьянских семей. В ряду населявших хорион «таковых людей» (τοιούτους ἀνθρώπους) отмечен протостарец Иоанн, имущественное положение которого, поскольку у него не было тяглого скота, можно оценить как «ниже среднего». Впрочем, судя по последующей записи практика, оно вполне сопоставимо с положением местного священника, «папы» Георгия, чьи доходы, вероятно, пополнялись не только от занятий земледелием [33, № 30.30–31].

Таким образом, относительно социального статуса «протостарцев» у историков имеются все основания считать тех старостами паричского населения господского поместья. Во-первых, главная особенность общественного положения «протостарцев» состояла в их паричском статусе, а по своему имущественному состоянию и характеру податного обложения они ничем не выделялись из массы рядовых обитателей феодального имения. Это утверждение вполне приложимо даже к «протостарцу» хориона Оксина – владельцу усадьбы-«катедры» [28, № 108.341–342]. Во-вторых, численность «протостарцев» была ограничена одним-двумя в каждом из поместий, где они упоминаются, тогда как органы сельского самоуправления всегда сохраняли свою коллегиальность. Наконец, требует оценки и тот факт, что «протостарцы» известны исключительно в господских имениях европейской части Византии, то есть регионе с наиболее высокой степенью развития феодальных отношений. Старостату, по-видимому, был присущ сугубо частноправовой характер, вследствие чего представители фиска редко отмечали в своих документах наличие в феодальном владении «протостарца». Да и не в каждом поместье, вероятно, возникала необходимость в учреждении этой должности. Как и многие другие стороны частноправовой жизни феодального

поместья Поздней Византии, функции «протостарцев» остаются скрытыми от исследователей. Следует предполагать, «протостарцы» являлись доверенными лицами господ.

Во всяком случае, о деятельности описанной категории поместных «старцев» и «протостарцев» судить приходится прежде всего в сопоставлении с основными направлениями социальной активности соименных им членов общинного управления. Как уже отмечено, «протостарец» Комитиссы совместно с «более хорошими мужами», будучи вовлечен, как и другие селяне (τῶν ἄλο τῆς Κομητίσσης χωριάτων – sic! – Ю. В.), в острый спор афонских монастырей из-за земли в топотесии Хреметиссы наряду с теми, кто был осведомлен (εἰδότες ἡμεῖς) в обстоятельствах взаимных претензий, стал активным участником примирения их насельников (см.: [23, № 11.10–14 etc., 16 etc., 19–20 etc.]). А позже, в 1297 г., Михаил, «протогерос» (πρωτόγερος), то есть тот же, по всей видимости, протостарец Комитиссы, выступив одновременно в роли анагоста, обозначил себя в качестве составителя и писца акта свидетельства его односельчан, с помощью которых были разделены спорные землевладения Хиландарского и Ватопедского монастырей (см.: [33, № 26.40–43])⁷. В начале же следующего столетия, в 1304 г., требуют внимания «мужи достойные веры (ἄνδρες ἀξιόπιστοι) не немногие» хориона Острову, которые принимали участие в возвращении ранее отторгнутого у монастыря Спелиотиссы земельного имения. Тогда в перечне «достойных веры свидетелей», перечисленных вместе с «заслуживающими внимания мужами» («ἀξιολόγων ἀνδρῶν»), точнее говоря, видными селянами и служителями церкви, на процедуре передачи и описания границы земельного клина, и, соответственно, составления «передаточной грамоты», первым, независимо от того, представителем кого он выступал, монастыря ли, или самих жителей села, а может быть, и тех, и других, назван «протогерос их» Павлопул (см.: [33, № 36.22–23 etc., 32–33 etc., 40–41]).

Рассказывая о статусе протостарцев на селе в заключительный период византийской истории, необходимо также принять во внимание и сведения документов 1463 г. Ватопедского монастыря относительно при-

надлежащих ему селений на Лемносе, что само по себе отображало зародившуюся на исходе византийской истории тенденцию к укреплению поместного хозяйства на окраинах страны. В частности, воспроизведенный тогда в ордонансе деспота Димитрия Палеолога перечень десяти крестьян хориона Мудро, буквально «человек» («ἀνθρώπου»), статус которых далее уточняет их обозначение в качестве ватопедских «париков», открывается именем протостарца Мономаха (см.: [35, № 234.3–4, 6–8 etc.]). Равным образом это свидетельство подкрепляет и составленный тогда же практик Иоанна Палеолога Кантакузина, где упоминаются парики-присельники, испомещенные некогда в названном хорионе (см.: [35, № 236.44, 62 etc.]). Наряду с ними перечисляются дополнительно в отдельном перечне выше упомянутые 10 париков, среди которых отмечен протостарец («πρωτόγερος») Михаил Мономах, у которого был неназванный сын. Этого протостарца, независимо от его возраста, как владельца пахотной упряжки, вполне оправданно отнести к крестьянам-среднякам и считать старостой указанной группы поместных крестьян, поскольку его положение полностью укладывается в порядок византийского поместного управления, опирающегося на общинную традицию.

В этой связи было бы неоправданно умолчать об имени одного из участников произведенного в 1392 г. межевания пашенных полей двух монастырей, а именно «старца» из хориона Проивиста (τῆς Προιβίστας) по прозвищу «Дендруцик» (ὁ γέρον οὗτω καλούμενος Δενδρούτζικος) (см.: [29, № 13.6–7]). Оставив сейчас в стороне объяснение прозвища Дендруцика, которое восходит к обозначению «дерева», и, может быть, иронично намекает на долголетие или какой-то физический недостаток и даже особенность поведения (ср.: χαζούτσικος – глуповатый), хотелось бы отметить, что в описании свидетельских показаний этого самого «старца» он уже назван по наименованию хориона: «нареченный Проибистан» (ὁ εἰρημένος Προιβιστανὸς ἐκεῖνος γέρον) (см.: [29, № 13.21]). Иначе говоря, одного – насмешливого – прозвища оказалось недостаточно, чтобы убедительно удостоверить личность свидетеля, который одновременно выступал под именем, происходящем от названия его родного села.

Без какого-либо сомнения можно утверждать, что и на заключительном этапе византийской истории очевидными общинными распорядками, служившими мерилем восприятия всей сферы деревенской социальности, веет от народной поговорки, которая восходит, вероятно, к позднему периоду средневековой истории Эпира и Южной Македонии, где фольклорная присказка, согласно воспроизведшему ее Ф. Кукулесу, получила известность. Согласно процитированному греческим ученым аллегорическому четверостишию, селянин оказывается посредине зарослей кустарника, как подразумевается, для того, чтобы нарубить хворосту. Здесь крестьянин наталкивается, судя по всему, на неусыпно следящего за ним «протогероса» – старейшину хоры, которого народная прибаутка насмешливо окрестила «петухом» (см.: [59, с. 77–78]). Весьма показателен тот факт, что это прозвище практически совпадает с наименованием так называемых первых лиц села (*coqs de village*) средневековой Франции (см.: [49, р. 351, 367, 556; 65, р. 16–17, 83 etc., 165, 183, 188]). Там со временем указанная категория сельских жителей превращается, по словам М. Блока, в «маленьких сельских капиталистов» (см.: [43, р. 212–213, 245–246; 44, р. 567]). И даже если отрешиться от этого, бесспорно случайного совпадения, идея досконального надзора над окрестным населением со стороны «старцев» в приводимом греческом ученым примере органично воплощена в типичном образчике безобидной в общем-то средневековой пародии с откровенными элементами сатиры и комизма (см.: [5, с. 6–7 и далее]).

На самом деле деятельность института сельских «старцев», опираясь на древние общинные устои, с каждым годом приобретала все более ярко выраженные черты поместного сервиллизма перед господином, крупным земельным собственником, фигура которого явственно вздымалась над зависимым селом. Уникальным свидетельством тому, предположительно относящимся к 1348 г., служит принятое на себя обязательство «старцев» хориона Семалта (см.: [34, № 101]). Оно, возможно, обусловлено строительством там укреплений, сооруженных ранее по инициативе монаха Петра, которая была поддержана как руководством Ватопедского монастыря, так

и его монахами (см.: [34, № 99; № 100]). На этот раз, несмотря на то что речь идет о перечисленных поименно одиннадцати старцах, наряду с коими имеются в виду «и другие» («καὶ οἱ ἕτεροι»). Необходимо иметь в виду, эти ватопедские насельники, будучи названы «святыми старцами этой обители», происходили «из Самалтон» («ἀπὸ τὴν Σάμαλτον»). Говоря иными словами, если они и не жили постоянно здесь, то пребывали в названном селе на протяжении какого-то периода времени. Согласно содержанию указанного обязательства, следует подчеркнуть, под прямым нажимом Гавриила, великого эконома Ватопедского монастыря, которому издавна принадлежало названное село, его «старцы» заявляли, по всей видимости, не столько от имени своей монашеской братии, сколько от лица своих односельчан о том, «что мы ничего не знаем, чтобы мы умышляли бы во бесстыдство и во зло, где бы ни было, к нему, не утверждали и сказали, да было бы это» (ὅτι γινώσκομεν ἵνα βουλευσώμεθα εἰς τὴν ἀναίσχυντίαν καὶ εἰς τὸ κακὸν ὁποῦ ἐγένετο εἰς αὐτόν, οὐδέ κατεφήσαμεν καὶ εἶπαμεν νὰ γένηται τοῦτο – sic!) (см.: [34, № 101.1–4, 11]). Более того, «старцы», признавая себя «верными» Богу и василевсу, и даже «рабами и послушными в службе господской их (εἰς δουλείας τὰς αὐθεντικὰς μας)», выражают безоговорочную готовность в ходе исполнения господской их службы (διὰ δουλείας τὰς αὐθεντικὰς μας) следить за присланным экономом «меньшим человеком» (τὸν μικρότερον ἄνθρωπον). «Старцы» подтверждают согласие исполнять принятые обязательства «сорвением и рабством (δουλωσύνης – sic!) настолько их» (см.: [34, № 101.4–7]). Далее, не ограничившись традиционными заверениями в соблюдении заповедей, «старцы» признают себя «такowymi поработченными (τέτιοι δουλωτικοὶ – sic!) и ревностными в миссии и службе (δουλείαν) господина их великого эконома» (см.: [34, № 101.8 etc.]). Словом, сопоставление рассмотренных документов позволяет соотнести монастырских «старцев», не идентифицируя их полностью, со «старцами» в принадлежавшем монастырю селе, с одной стороны. С другой – вырисовывается роль «старцев», независимо от их статуса в лоне церкви, в поместном селе, где они, судя по всему, выступали в качестве проводников

отнодью не только духовной власти монастыря, а от его лица как корпоративного господина и собственника поместья, осуществляя надзор за присланным из Ватопедского монастыря управляющим.

Действительно, невозможно отрицать факт принадлежности «старцев», которых настоятели привлекали к управлению монастырскими метохами, к привилегированной прослойке клириков и монахов ([31, № 13.32–33]; см.: [61, S. 284; 13, с. 414]; ср.: [31, р. 117]). Облеченных особым доверием монахов-«калугеров» назначали также для надзора за метохами афонских монастырей, расположенных на территории Сербии (см.: [21, № 19.51–53]). Впрочем, среда, из которой их избирали, была далека от того, чтобы ее считать однородной. Конечно, сам по себе статус «старец» не определял особого положения монаха, как об этом свидетельствуют подписи братии Филофейского монастыря, предвещающие акт середины XII века. Здесь монах Иоаким, который в конце концов мог быть всего лишь наиболее старым членом монашеской общины, выставил свой «крест» как «старец» в общем ряду с остальными своими сподвижниками, выполнявшими те или иные обязанности, включая занятия ремеслом ([21, № 63.6]; см.: [21, № 63.3–8]). Тем не менее присущая монастырским насельникам иерархичность иногда прослеживается и с точки зрения выделения в их среде «старцев», которые противопоставлены их «братии». Допустим, Арсений Цамплакон, бывший «раб» василевса, во монашестве, делая в его дарственной 1356 г. вклад в Ватопедский монастырь, сопоставил его проэстота (управляющего) и сущих под ним «других всех старцев и остальных братьев» («τῶν ὑπ' αὐτὸν ἐτέρων πάντων γερόντων καὶ λοιπῶν ἀδελφῶν»). При этом вельможный по происхождению монах пояснил далее, что имеет в виду именно «монахов и остальных братьев» названной обители (см.: [34, № 107.30–31 etc., 35–36]).

В то же время не вызывает сомнений не только духовное наставничество, но и причастность «старцев», а также других категорий монахов к управлению церковно-монастырским хозяйством, скажем, к отчуждению келий и виноградников на Афоне. К примеру, в этой связи может быть снова назван уже упомяну-

тый в качестве монаха и «старца протата» Феодосий Плакас, который в 1376 г. удостоверил подобную сделку (см.: [34, № 151.26]). В свою очередь, ватопедский иеромонах Дорофей Кириелеис в конце XIV в. подписал составленный акт прота Неофита в качестве «эпитропа (попечителя. – Ю. В.) имений (ο εὐιτροπος τῶν κτημάτων – sic!) кира Иоасафа», их владельца (см.: [24, № 9.44–46]).

Судить о реальных полномочиях монастырских порученцев дает возможность инструкция игумена Патмосского монастыря конца XI в. Христула. В свое время он наставлял, чтобы старцы, прибывающие в метох, скажем, для наблюдения за уборкой урожая, оставались там на срок жатвы ([20, р. 146]; также см.: [56, S. 208–209]). Обладая полной властью во вверенных им монастырях в общем, старцы распоряжались зависимыми от них жителями села – и не только рядовыми «хоритами», но даже стратиотами [20, р. 147]. Недаром типик монастыря Богородицы Кехаритомены, утвержденный в XII в. Ириной Дукиней, предписывал его управляющим быть благонамеренными, воздержанными и сведущими в земледелии (см.: [19, р. 355]). С этими сведениями, нужно полагать, вполне сопоставимы документальные свидетельства поздне-византийского времени. Согласно им, как было показано, «старцы» Семалту, осуществляя надзор, несли «господскую службу».

В этом свете продолжая обсуждать процитированное обязательство «старцев» Семалту, допустимо предположить, что здесь был организован метох Ватопедского монастыря. Но если это предположение не соответствует реальным обстоятельствам дела, общественное положение поименованных «старцев» Семалту явно отличное от статуса «святейших (ἱερωτάτων) и святых мужей» из окружения афонского прота, то есть членов протата и наиболее чтимых святогорцев, которые ранее прибыли туда принять решение по спору между монашествующими. Противу тех, кто поставил тогда свои колофоны под актом соглашения индивидуально (см.: [34, № 100.8–9, 17–19]), «старцы» Семалту, хотя и были, следует повторить, названы поименно, удостоены поставленного под документом одного на всех их знака «креста», иными словами говоря, подтверждения «старцев хориона Самалту» (см.: [34, № 101.11]).

С этой точки зрения, возникает, как принято говорить, «большое сомнение» в том, что издатели рассматриваемого обязательства в соответствии с принятыми у них научными взглядами, о чем было сказано ранее, правомерно сочли указанных «старцев» «нотаблями» (*les notables*) ([34, р. 228, 459]; также см.: [33, р. 407]). Более того, вся концепция «сельской элиты», очевидно довлеющая не только над французской, а в целом зарубежной византистикой, наиболее последовательным проводником которой, как было показано, в настоящее время предстает М. Каплан и его коллеги (см.: [55]), нуждается в коррекции, несмотря на их консолидированную позицию, согласно которой «старцы», будучи представителями общины, с чем спорить не приходится, отождествляются с «нотаблями» (например, см.: [52, § 1, 12, 15, 20]). Что бы не заявляли сторонники подобных научных взглядов в обоснование своих концептуальных построений, суть элиты в социуме всегда состоит и выражается в роли ее представителей в отношениях собственности и обладании сословными привилегиями. С этих научных позиций возрастной критерий, ассоциирующийся в Византии с авторитетом и мудростью, приписываемыми как представителям высшей светской власти, так и церковной иерархии, явно не удовлетворяет оценкам социального положения членов изучаемой группы византийского социума [53, р. 636–638]. Их статус оказывается крайне противоречив. Разумеется, нельзя отрицать того, что «старцы» опосредовали отношения между крестьянами и их господами, представителями господствующего класса. Но именно «старцев» надлежит признать бесспорно неоднородной и в социальном, и в социокультурном плане прослойкой жителей села. Несомненно, почтение к особам духовного звания и монахам со стороны их односельчан подымало авторитет «старцев», но стяжаемый ими пиетет сам по себе не мог изменить их «социального лица», если «старцы» и «протостарцы», как было показано, оставались париками.

Фактически в рассматриваемый период, как было сказано, зарождаются зачатки нового типа управления византийским селом – старостата, предназначение которого – контроль над подчиненной господину, кем бы он ни

был, частью сельской общины в его поместье. В этой связи нельзя пройти мимо сведений императорского послания, направленного в 1404 г. Димитрию Буллооти, представителю и порученцу византийского василевса, которое атрибутируется Мануилу II Палеологу (см.: [35, № 191]). Его целью стала защита имущественных и податных интересов афонских монастырей, имения и земельные владения которых на рубеже столетий подпали под длань турецких завоевателей. В описываемых условиях византийский василевс, выступая защитником святогорцев, не просто настаивает на соблюдении принятой у них традиции («*συνήθεια*») и привилегий («*τὰ προνόμια*») в управлении монастырской собственностью (см.: [35, № 191.20–22 etc.]). Очевидно, за этим устремлением василевса скрывались реальные трудности в осуществлении управления и контроля над монастырской недвижимостью, равно и нанесение со стороны турок ущерба афонским монахам. В частности, требуя от своих представителей «исправить» поправленную со стороны турок в указанный период («*τὸν πέρισυ χρόνον*») «традицию» и устранить последствия допущенного ими произвола в отношении монастырских метохов в районе Стримона, византийский правитель указывает на неудовлетворительную позицию монастырских управляющих. Он пеняет на их бездеятельность, как поясняется далее, ввиду «беззащитности» и «беззаботности» должностных лиц афонских монастырей, точнее говоря, действовавших «по приказу и невнимательности (недосмотру)» («*ἀπὸ θελήματος καὶ ἀπροσεξίας*») «протостарцев и служителей» («*τῶν πρωτογέρον καὶ ὑπηρέτων*») местных метохов (см.: [35, № 191.29–33]). По существу в рассмотренном послании протостарцы представлены как неотъемлемая часть системы управления монастырскими доменами.

Нет сомнения в том, что рассмотренные сведения византийских актов о старости и «старцах» обладали непреходящей социокультурной значимостью. Ее подтверждением служат аналогичные свидетельства следующих всецело византийским прототипам средневековых документов славян и других балканских народностей. Недаром ссылки в них на старость, даже объятую тяжким недугом, в первую очередь проникнуты чувством

исполнения нравственного долга (например, см.: [7, № 9.46–48 и далее; № 12.57–59 и далее; № 146.16–17 и далее]). Более того, в некоторых случаях славяне с присущей им самобытностью, пожалуй, лучше, чем греки, выражали мысль о том, что старость являет собой заключительный этап человеческой жизни (например, см.: [21, № 41.16–21 и далее; № 83.10–11]). А отображенные в славянских актах «старцы», как правило, оказывались на поверку монахами, будь то занимавшими в сословной иерархии наиболее видные позиции в «герусии» (например, см.: [7, № 23.А.5–6; № 23.Б.6–7.]), так и рядовыми (например, см.: [7, № 106.А.18–19 и далее]). Равным образом во многих славянских актах предстал благонаправленный облик монаха-«калугера» (например, см.: [7, № 41.2–3, 7–8 и далее; 21, № 13.4–6, 14–16 и далее]). И те, и другие, и третьи, судя по прилагательным к ним эпитетам, практически всегда были и оставались высокопочтительными представителями своего сословия, которые наполняли души их современников благоговением (например, см.: [7, № 12.12–13, 26–27, 38–39, 41 и далее, 52–53; № 131.51, 59 и далее, 67 и далее, 86–89; № 143.16–18 и далее, 24 и далее]). В то же время обнаруживается непосредственная причастность «старцев» к надзору за селом. Специально назначенные монахи, в частности «пиржанный калугер», следили за проведением полевых работ, паекой и за выпасом монастырских стад (например, см.: [7, № 104.А.168–176 и далее; № 104.В.69–76 и далее; № 104.Г.100–105 и далее; 21, № 8.133–140 и далее]; также см.: [7, № 41.25–26; 21, № 13.49–52; № 125.47b–48a, 50b и далее; № 137.20]). Одному из присланных во втором десятилетии XIV в. монастырских «старцев» предписывается пребывание в пирге («жилой башне» – укреплении) Хрусии. Там предполагалось поселить и других монахов, с целью его обустройства и снабжения (см.: [7, № 121.А.35 и далее, 53–55, 56–59 и далее, 61–69; № 121.Б.25–31 и далее]). С этих позиций «старцы» являлись неотъемлемым компонентом местного управления средневековым балканским селом. В этой связи обращает на себя внимание имя одного из зависимых крестьян, перечисленных в хиландарском практике рубежа XIV–XV вв. (см.: [7, № 91; 21, № 86]). Имеется в виду Смедко, сын

Линарина, имя которого из ряда прочих глав крестьянских семейств выделяет прозвание «Геров». В нем, думается, нельзя исключать искаженную форму греческого обозначения «γέρων» («Смѣдко Геров, синь Линаринь») (см.: [7, № 91.196–197; 21, № 86.285–286]). А среди прочих самоназваний представителей органов сельского управления известно также заимствованное из Византии обозначение «протогер». Оно получило достаточно широкое распространение на средневековых Балканах в качестве обозначения служебного лица местного самоуправления ([3, с. 260]; подробнее см.: [14, с. 347; 15, с. 79–84, особ. с. 81–82; 16, с. 230–240, особ. с. 236–237 и далее]; там же см. основную литературу). К примеру, так называемая «Книга Михаила Лукаревича» третьего десятилетия XV в. содержит перечни податных поступлений жителей Нового Брдо [6]. Среди них выделяется Вашо, сын Ивана Турчи в Подгори (Vascho protoger de Juane de Turchi in Podgorj и т. п.), с именем которого постоянно сопряжен атрибут «protoger» [6, р. 42, 49, 72, 79, 80].

Выводы. Итак, документальное наследие Византии сохраняет разнообразные свидетельства о старости и представления о ней современников. Присущие старости черты, как правило, раскрываются в типических описаниях представителей старшего поколения. Среди них выделяются «старцы», образы которых запечатлены в разного рода актах. Однако обобщающая характеристика византийских «старцев» довольно затруднительна в силу сословной неопределенности данного обозначения. То же самое понятие прилагается к представителям различных групп византийского социума, как крестьянам, так и представителям господствующего класса, в том числе монахам. Они благодаря их благочестию пользовались почтением и авторитетом, независимо от их пребывания в монастыре или за его пределами, в городе или деревне. Благодаря тому церковно-религиозное «старчество» трудно отделить от иных форм его проявления. Главным критерием анализа этой общественной группы является общественная активность представителей старшей возрастной группы. «Старцы» легко кооптировались в органы общинного самоуправления и привлекались в качестве свидетелей на судебных

тяжбах, откуда черпаются преимущественно основные сведения как о самих старцах, об их возрасте, так и морально-нравственных и этических атрибутах, которыми наделена старость. Разумеется, касающиеся проблемы старости сведения актов не ограничиваются рассмотренными отдельными примерами. С этой точки зрения причастность «старцев» к сельскому самоуправлению оказывается в особенности значима. Его изучение обнаруживает кардинальное перерождение органов сельского самоуправления. Оно было вызвано становлением господского поместья и укреплением феодальной зависимости крестьянства. Необходимость контроля над ним обусловила организацию крестьян посредством использования в интересах феодального господина сложившихся общинных институтов, включая общественную и, в особенности, судебную деятельность сельской верхушки, к которой принадлежали «старцы». В европейской части Византии, где узы феодальной зависимости крестьянства были наиболее прочны, традиции сельского самоуправления подготовили почву для зарождения представленного так называемыми «протостарцами» старостата как органа контроля над паричским населением господского поместья. И в демонстрации общих закономерностей общественной деятельности «старцев», пожалуй, заключаются дальнейшие перспективы их последующего изучения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор приносит глубокую благодарность за помощь в подготовке настоящего исследования В.З. Григорьевой (ГПИИБ).

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses deep gratitude to V.Z. Grigorieva (State Public Historical Library of Russia) for her assistance in preparing this study.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О представлениях о старости в средневековой Византии подробнее см., например: [12; 53; 67]. Там же указана основная литература.

² О возрасте названных селян приходится говорить столь подробно из-за того, что М. Каплан,

отмечая их возрастные особенности, приписал им возраст 80-ти лет: *age de quatre-vingts ans*. Подробнее см.: [55, § 35].

³ О прислуге см.: [53, р. 635].

⁴ Как полагают издатели ватопедских актов, опираясь на сравнение подписей в указанных документах, под тем же самым именем существовал якобы некий другой монах, который противопоставлен первому словно его «двойник» (подробнее см.: [34, р. 370, 388]).

⁵ Относительно атрибуции лиц, носителей имени Феодосий Плакас, см.: [29, р. 158; 26, р. 365; 25, р. 249; 30, р. 82].

⁶ Подписание документов происходило, вероятно, в самых разных жизненных обстоятельствах, которые вызывали полиморфизм письма (см.: [32, рл. LXXVI, LXXXb), XCII, XCIV]). И потому возникает закономерный вопрос о том, что препятствует тому, чтобы прежде, чем утверждать как неоспоримую истину, будто бы отмеченные документы скреплены подписями различных лиц, носивших одно и то же имя, допустить их отождествление и признать в названном Феодосии Плакасе монаха, кто стал в конце концов епитиритом? ([31, № 25.28], ср.: [25, № 46.24]).

⁷ К большому сожалению, этот факт, как можно понять характеристику свидетелей, присутствовавших при разрешении спора монастырей и удостоверивших своими подписями указанный акт, остался вне поля зрения М. Каплана. Ученый, воспроизводя имена названных в документе свидетелей, не ограничился суммарной ссылкой на священнослужителей, «старцев» (*gérontes*), икодеспотов, включая и «остальной народ». Однако в описании «старцев» выделены в первую очередь «три персонажа», из коих двое составляли «собрание двух братьев» (*deux ensembles de deux frères*), и «их отец» (*leur père*), а также отмечено, что первые из «гарантов» составленного документа носили сан «священника» (*des prêtres*). А подписи участников разбирательства оказались, увы, без должного внимания (см.: [55, § 35]).

REFERENCES

1. Adkins L., Adkins P. *Drevnyaya Gretsya. Entsiklopedicheskiy slovar* [The Ancient Greece. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Veche Publ., 2008. 496 p.

2. Benvenist E. *Slovar indoevropskikh sotsialnykh terminov* [The Dictionary of Indoeuropean Social Terms]. Moscow, Progress Publ., 1995. 452 p.

3. Veselinović A. *Država srpskih despota* [The State of Serbian Despots]. Belgrade, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva Publ., 2006. VIII, 325 p.

4. Vin Yu.Ya. Evolutsiya organov samoupravleniya selskoy obshchiny i formirovanie votchinnoy administratsii v pozdney Vizantii [The Evolution of Institutions of Self-Government and Formation of Estate Administration in Late Byzantium]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1982, vol. 43, pp. 201-218.
5. Darkevich V.P. *Narodnaya kultura srednevekovya. Parodiya v literature i iskusstve IX–XVI vv.* [The Folk Culture of Middle Age. The Parody in Literature and Art of the 9th – 16th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 285 p.
6. Dinić M. *Iz Dubrovačkog arhiva* [From the Dubrovnik Archive]. Vol. 1. Belgrade, Naučno delo Publ., 1957, pp. 36-91.
7. Mošin V., Ćirković S., Sindik D., eds. *Zbornik srednjovekovih ćirilčkih povelje i pisama Srbije, Bosne i Dubrovnika* [The Collection of the Mediaeval Cyrillic Edicts and Letters Serbian, Bosnia and Dubrovnik]. Vol. 1. Belgrade, Istorijски institut Publ., 2011. 652 p.
8. Ivanova Yu.V. Nekotorye storony soznaniya svobodnykh obshchinnikov pozdnego srednevekovya (po dannym balkanskogo obychnogo prava) [Some Sides of Consciousness of Free Community Members in Late Middle Age (By Data of the Balkan Common Law)]. *Obshchestvennoe soznanie na Balkanakh v srednie veka* [The Social Consciousness in the Balkans During the Middle Ages]. Kalinin, KGU Publ., 1982, pp. 174-185.
9. Iliev I. *Ohridskiyat arkhiepiskop Dimitr Khomatian i Bulgarite* [The Ochrid Archbishop Demetrius Chomatian and the Bulgarians]. Sophia, Anubis Publ., 2010. 336 p.
10. Litavrin G.G. *Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in 11th – 12th cc.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 472 p.
11. Medvedev I.P. *Ocherki vizantiyskoy diplomatiki (chastnopravovoy akt)* [The Essay of Byzantine Diplomats (The Civil Act)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 260 p.
12. Radić R. *Drugo litse Vizantije: nekoliko sporednih tema* [Other Face of Byzantium, Some Concomitant Themes]. Belgrade, Evoluta, 2014, pp. 245-260.
13. Solovjev A., Moshin V. *Grčke povelje srpskih vladara* [Greek Edicts of Serbian Sovereigns]. Belgrade, Izdanje Zadužbine d-za Nikole Krotića Publ., 1936. CXXXII, 537 p.
14. Ćirković S. Seoska opština kod Srba v Srednjem veku [The Rural Community in Serbia of the Middle Age]. Đokić B., ed. *Rabotnitsi, vojnitsi, duhovnitsi* [The Labourers, Soldiers, Confessors]. Belgrade, Equilibrium, 1997, pp. 341-349.
15. Filipović M. Protodjer [The Proto Old Man]. *Leskovački zbornik* [Leskovac Collection], 1967, vol. 7, pp. 79-84.
16. Filipović M. Protodjer [The Proto Old Man]. *Človek među ljudima*. Belgrade, Srpska književna zadruga Publ., 1991, pp. 230-240.
17. Uspenskiy F.I., Beneshevich V.N. *Vazelonskie acty. Materialy dlya istorii krestyanskogo i monastyrskogo zemlevladieniya v Vizantii XIII–XV vekov* [The Vazelon Acts, the Materials for History of the Peasant and Cloistral Landownership in Byzantium of the 13th – 15th Centuries]. Leningrad, GPB Publ., 1927. 124, CLII p.
18. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. 1. Vindobonae, Carolus Gerold, 1871. XIV, 441 p.* (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana; vol. IV).
19. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. 2. Vindobonae, Carolus Gerold, 1887. 481 p.* (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana; vol. V).
20. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. 3. Vindobonae, Carolus Gerold, 1890. VIII, 452 p.* (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana; vol. VI).
21. Petit L., Korablev B., eds. *Actes de Chilandar. Deuxième Partie, Actes Slaves. Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1915, t. XIX, Addition I, pp. 365-651.
22. Petit L., Korablev B., eds. *Actes de Chilandar. Première Partie, Actes Grecs. Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1911, t. XVII, Addition I, III, 368 p.
23. Zivojinovic M., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Chilandar. Texte. In 2 vols. Vol. I.* Paris, P. Lethielleux, 1998. XX, 363 p.
24. Oikonomidès N., ed. *Actes de Dionysiou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1968. XI, 251 p.
25. Oikonomidès N., ed. *Actes de Docheiariou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1984. XIV, 397 p.
26. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumus. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1988. X, 478 p.
27. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 vols. Vol. I.* Paris, P. Lethielleux, 1970. X, 447 p.
28. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 vols. Vol. II.* Paris, P. Lethielleux, 1977. XVI, 316 p.
29. Kravari V., ed. *Actes de Pantocrator. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1991. XVI, 232 p.
30. Lemerle P., Dagron G., Ćirkovic S., eds. *Actes de Saint-Panteleômôn. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1982. XII, 238 p.
31. Papachryssanthou D., ed. *Actes de Prôtaton. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1986. XIV, 320 p.

32. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Album. In 3 vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 2006. XCVIII pl.
33. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 vols. Vol. I, Des origines à 1329.* Paris, P. Lethielleux, 2001. XX, 475 p.
34. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 vols. Vol. 2, De 1330 à 1376.* Paris, P. Lethielleux, 2006. XVIII, 525 p.
35. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., Gómez R.E., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 vols. Vol. 3, De 1377 à 1500.* Paris, Peeters, 2019. XX, 550 p.
36. Bompaire J., ed. *Actes de Xéropotamou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1964. XIV, 298 p.
37. Regel W., Kurtz E., Korablev B., eds. *Actes de Zographou. Vizantiiskii vremennik [Byzantine chronika], 1907, t. XIII, Addition I, I, 213 p.*
38. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1990. XIV, 368 p.
39. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1994. XIV, 412 p.
40. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 4.* Paris, P. Lethielleux, 1995. XII, 260 p.
41. Bauer E. *Gerusien in den Poleis Kleinasiens in hellenistischer Zeit und der römischen Kaiserzeit. Die Beispiele Ephesos, Pamphylien und Pisidien, Aphrodisias und Iasos.* München, Verl. Herbert Utz Verl., 2014. 392 S.
42. Benveniste É. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes: 2. Pouvoir, droit, religion.* Paris, Les Éditions de Minuit, 1969. 340 p.
43. Bloch M. *Les caractères originaux de L' Histoire Rurale Française.* Paris, Armand Colin, 1988. 316 p.
44. Bloch M. *Mélanges historiques. Vol. 2.* Paris, S.E.V.P.E.N., 1963, pp. 563-1108.
45. Chomatianus Demetrius, archiep. Bulgariae. *Varii tractatus.* Pitra Baptista J., ed. *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. In 6 vols. Vol. 6, Juris ecclesiastici graecorum selecta paralipomena.* Parisiis, Roger et Chernowitz, Romae, Philippi Cuggiani, 1891, pp. 1-617.
46. Prinzing G., ed. *Demetrii Chomateni Ponemata Diaphora.* Berolini; Novi Eboraci, Walter de Gruyter, 2002. XIV, 388*, 535 S.
47. Đoković Z. *Stanovništvo Istočne Makedonije u prvoj polovini XIV veka. Zbornik radova Vizantoloshki instituta [The Collection of Works of Byzantine Institute], 2003, vol. 40, pp. 96-244.*
48. Dölger F. *Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athosklöster Iberon.* München, Verl. d. Bayer. A. d. Wiss. in Komm. bei d. C. H. Beck'schen Verlagsbuchhanl., 1949. 127 S. (Abhandlungen der Bayer. Akad. Der Wiss. N. F. Philos.-Hist. Kl.; Hf. 28).
49. Duby G. *Qu'est-ce que la société féodale?* Paris, Flammarion, 2002. LXXVIII, 1755 p.
50. Feller L., Kaplan M., Picard Chr., eds. *Élites rurales méditerranéennes au Moyen Âge – Varia – Regards croisés,* 2012, vol. 124, no. 2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrm/713>
51. Gerstel Sh.E.J. *Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium: Art, Archaeology, and Ethnography.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2015. XVIII, 207 p.
52. Giros Chr. *Les élites rurales de Macédoine, XIIIe–XIVe siècle,* Feller L., Kaplan M., Picard Chr., eds. *Élites rurales méditerranéennes au Moyen Âge – Varia – Regards croisés,* 2012, vol. 124, no. 2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrm/713>
53. Guilleard Chr. *Old Age in Byzantine Society. Ageing and Society,* 2007, vol. 27, pp. 623-642.
54. Guillou A. *Gérontes et bonshommes d'Orient et d'Occident: Réflexions d'anthropologie juridique. Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik,* 1994, Bd. 44, S. 125-134.
55. Kaplan M. *Les élites rurales byzantines: Historiographie et sources.* Feller L., Kaplan M., Picard Chr., eds. *Élites rurales méditerranéennes au Moyen Âge – Varia – Regards croisés,* 2012, vol. 124, no. 2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrm/713>
56. Karlin-Hayter P. *Notes sur les archives de Patmos comme source pour la démographie et l'économie de l'île. Byzantinische Forschungen,* 1977, Bd. 5, S. 189-216.
57. Kazhdan A., Constable G. *People and Power in Byzantium. Introduction to modern Byzantine Studies.* Wash., DOC, 1982. XXII, 218 p.
58. Kennel N. M. *Age-Class Societies in Ancient Greece? Ancient Society,* 2013, vol. 43, pp. 1-73.
59. Koukoules Ph. *Byzantinōn bios kai politismos [The Byzantine Life and Civilisation].* Vol. 1, pt. 2. Athens, Institut Francais d'Athènes, 1948. 290 p.
60. Laiou-Tomadakis A.E. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study.* Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Pr., 1977. XIV, 332 p.
61. Meyer Ph. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster.* Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1894. VIII, 303 S.
62. Ostrogorskij G. *Pour histoire de la féodalité byzantine.* Bruxelles, Inst. de philologie et d'histoire orientales et slaves, 1954. XVI, 388 p.
63. Roisman J. *The Rhetoric of Manhood. Masculinity in the Attic Orators.* Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Pr., 2005. XIV, 284 p.
64. Schreiner P. *Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften*

der Bibliotheca Vaticana. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1991. 529 S.

65. Sivery G. *Terroirs et communautés rurales dans l'Europe Occidentale au Moyen Âge*. Lille, Pr. Univ. de Lille, 1990. 248 p.

66. Shukurov R. The Byzantine Turks: An Approach to the Study of Late Byzantine Demography. *L'Europa dopo la caduta di Constantinopoli: 29 Maggio 1453*

/ Atti del XLIV Convegno Storico Intenazionale: Todi, 7-9 Ottobre 2007. Spoleto, Centro Italiano di Studi sul Basso Medioevo, 2008, pp. 73-108.

67. Talbot A.-M. Old Age in Byzantium. *Byzantische Zeitschrift*, 1984, Bd. 77, Hf. 2, S. 267-278.

68. Tsirpanlis C.N. Byzantine Parliament and Representative Assemblies from 1081 to 1351. *Byzantion*, 1973, vol. 43, pp. 432-481.

Information About the Author

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

Информация об авторе

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>